

время мы сдѣлали еще одну поѣздку вдвоемъ на Петровскую ярмарку въ г. Бузулукъ за 70 верстъ. Поѣхали мы на одной лошади въ небольшихъ дорогахъ и взяли съ собой запасъ кумыса въ небольшомъ турсукѣ. Ярмарка отличалась пестротой и разнообразiemъ племенъ: Русскіе мужики, Уральскіе казаки, Башкиры и Киргизы. И въ этой толпѣ Левъ Николаевичъ расхаживалъ со свойственной ему любознательностью и со всѣми заговаривалъ. Даже съ пьяными онъ не боялся вступать въ разговоръ. Какой то пьяный мужикъ вздумалъ обнять его отъ избытка добродушія, но строгій и выразительный взглядъ Льва Николаевича остановилъ его. Мужикъ самъ опустилъ свои руки и сказалъ: «нѣтъ! ничаво! набось!».

Въ Бузулукѣ мы посѣтили старика отшельника, который жилъ около монастыря въ пещерѣ. Левъ Николаевичъ только внимательно слушалъ старика, говорившаго исключительно о священномъ писаніи, но самъ не говорилъ и впечатлѣніе свое мнѣ не передавалъ по причинѣ, которую я объяснилъ уже выше.

Наконецъ въ бытность нашу въ степи онъ интересовался сектою молоканъ, а особенно ихъ наставникомъ, старикомъ Аггѣемъ. Вмѣстѣ съ мѣстнымъ священникомъ села Патровки онъ вступалъ въ споръ съ противникомъ Православія. Ему больше хотѣлось познакомиться съ ученіемъ секты, чѣмъ отстаивать Православіе, а потому онъ и старался вызвать старика на разсужденія.

Домой въ Ясную Поляну я съ торжествомъ привезъ большіе греческіе лексиконы, переложенные дикими и необыкновенно ароматичными цвѣтами Самарской сте-